

I. Т А Л Е С Ъ .

„Честь открыть великолѣпное шествіе“ родоначальниковъ европейской науки принадлежитъ Талесу. Къ этому имени большинство историковъ приурочиваютъ *начало европейской научной и философской мысли* и возводятъ (какъ, на примѣръ, Целлеръ, Шweglerъ и др.) эту традицію къ Аристотелю. Однако, послѣдняя ссылка неправильна, такъ какъ Аристотель (см. А 12) называетъ Талеса не просто родоначальникомъ философіи, но лишь „начинателемъ“ такой философіи, которая принимаетъ только одинъ матеріальный принципъ. Притомъ эта Аристотелевская характеристика философіи Талеса и построенное на ней обвиненіе Талеса въ томъ, что онъ оставилъ безъ вниманія движущій принципъ, несправедливы. Вѣрно лишь то, что Талесъ не отдѣлялъ движущій принципъ отъ матеріальнаго, т. е. не выставялъ особаго движущаго принципа, отдѣльнаго отъ матеріальной основы вещей. Но если ссылку на Аристотеля и слѣдуетъ признать неудачной, то нельзя отрицать, что взглядъ, видящій въ Талесѣ основателя философіи, имѣлъ представителей въ древности. Таково, на примѣръ, было мнѣніе Цицерона, слѣдующія слова котораго сохранилъ намъ Лактанцій (Inst. div. I. III, c. 16): „Когда впервые появились философы? Талесъ, думаю, былъ первымъ“. (Quando philosophi esse coeperunt? Thales, ut opinor, primus). Но, съ другой стороны, какъ свидѣтельствуется цитата изъ Теофраста у Симплиція (см. В 1), въ древности существовало также мнѣніе, что у Талеса былъ рядъ предшественниковъ. Въ новое время начинать исторію философіи съ Талеса впервые сталъ Тидеманъ (D. Tiedemann. Geist der spekulativen Philosophie, 7 Bde, 1791—1797).

Эволюціонная точка зрѣнія, въ противоположность катастрофическому пониманію исторіи, не знаетъ въ историческомъ процессѣ рѣзкихъ граней и перерывовъ. Лишь условно извѣстный моментъ можно отмѣтить, какъ начало новаго историческаго явленія. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ искать зачатковъ греческой философіи задолго до Талеса въ доисторическомъ прошломъ, но если бы мы захотѣли назвать имя, которое вполне заслуженно могло бы признаваться первымъ оригинальнымъ мыслителемъ-философомъ, то намъ пришлось бы обойти и Талеса и назвать его пре-

емника—Анаксимандра. Какъ показали новѣйшія изслѣдованія, роль Фалеса заключалась скорѣе въ перенесеніи знаній съ Востока на греческую почву, что послужило лишь стимуломъ къ пробужденію философской мысли въ Греціи. Въ строгомъ же смыслѣ слова возглавляетъ исторію философской мысли Анаксимандръ Милетскій. Фалесъ—ближайшій предшественникъ философіи, имя же основателя греческой науки и философіи болѣе всего приличествуетъ Анаксимандру. „Это первый свободный полетъ эллинской мысли“, говоритъ Таннери (стр. 84 р. п.), „Анаксимандръ—истинный глава іонійской школы. Фалесъ въ сущности только возбудилъ умственное движеніе, только заронилъ искру... Не придумавъ и не открывъ ничего новаго, Фалесъ все-же далъ толчекъ дремавшей эллинской мысли“ (стр. 58—59 р. п.). Любопытно, что уже Діогенъ Лаэртій выводилъ іонійскихъ философовъ отъ Анаксимандра (прооет. § 13: *Φιλοσοφίας δὲ δὺο γεγόνασιν ἀρχαὶ ἢ τε ἀπὸ Ἀναξίμανδρου καὶ ἰ; ἀπὸ Πυθαγόρου*).

Время жизни Фалеса, по Дильсу, 624—547 г. до Р. Х., акме (расцвѣтъ силъ) 585 г., дата славы 582 г., предсказанное имъ солнечное затменіе 28 мая 585 г. По Таннери, время жизни Фалеса 637—558 г., акме 597 г., дата славы 586 г., предсказанное имъ солнечное затменіе 30 сентября 610 г.

Первая тема греческой философіи—проблема бытія, первые греческіе философы ищутъ вѣчную основу всего существующаго, но такъ какъ всю дѣйствительность они понимаютъ матеріально, то ихъ онтологія есть натурфилософія („физика“, или „физиологія“, по терминологіи Аристотеля). Такимъ образомъ кругъ ихъ идей ограниченъ сферой объектовъ внѣшняго міра явленій, основу которыхъ они ищутъ въ тѣлесномъ веществѣ. Но, помимо этой ограниченности кругозора, которому открыта лишь часть дѣйствительности, ихъ мышленіе связано и въ методологическомъ отношеніи: оно оперируетъ не понятіями, а представленіями, и стоитъ въ наивно-непосредственномъ отношеніи къ своему объекту, догматически устремляется на познаніе объектовъ, не изслѣдуя средствъ познанія. Что касается ихъ объясненія космоса, то наибольшій интересъ они проявляютъ къ „верхнимъ“ частямъ міра, т. е. наибольшее вниманіе удѣляютъ небеснымъ и метеорологическимъ явленіямъ (кромѣ небесныхъ тѣлъ, ихъ мысль особенно привлекаютъ такія явленія, какъ облака, радуга, свѣтъ и т. п.), причѣмъ можно отмѣтить ту особенность, что астрономія и метеорологія у нихъ образуютъ одно цѣлое, такъ какъ нѣтъ еще истиннаго представленія о мѣстѣ земли среди небесныхъ тѣлъ. Что касается ихъ приѣма объясненія, то у нихъ находимъ не объясненіе явленій изъ общихъ основаній, но только сведеніе явленій къ ихъ первымъ основаніямъ.

Значеніе Фалеса по взгляду древнихъ: Фалесъ—„первый мудрецъ“, по Діогену Лаэртію¹⁾; „первый философъ“, по Цицерону, Плутарху и Страбону; „первый натурфилософъ“, по Діогену Лаэртію, Юстину Мученику и Евсевію; *основатель философіи, принимающей одно матеріаль-*

¹⁾ *πρῶτος σοφός*, т. е. sapientium sapientissimus, мудрѣйшій изъ мудрецовъ.

ное начало вещей, по Аристотелю; *первый геометръ* у грековъ, по Апулею и Диогену Лаэртцю; *первый астрономъ* у грековъ, по Эвдему, Диогену Лаэртцю и Минуцию Феликсу; *первый физикъ*—по Диогену Лаэртцю, Плинію, Лактанцію и Тертуллиану (princeps physicorum).

Заслуги, которыя приписывали Талесу историки въ новое время, можно резюмировать такъ: Талесъ—*родоначальникъ европейской науки*, онъ перенесъ съ Востока въ Грецію богатый запасъ эмпирическихъ наблюденій и на основаніи этого обширнаго собранія фактовъ создалъ *первыя въ исторіи мысли* научно-теоретическія построенія. Въ частности, онъ—первый математикъ и создатель научной геометріи (преобразовалъ египетское искусство измѣренія въ дедуктивную геометрію, покоющуюся на общихъ основаніяхъ), астрономъ (предсказалъ полное солнечное затменіе; открылъ, что изъ всѣхъ созвѣздіи наиболѣе точно сѣверъ опредѣляется Малой Медвѣдицей, и т. д.), метеорологъ (удачное предсказаніе урожая оливокъ), физикъ (рядъ объясненій физическихъ явленій). Какъ философъ, онъ глава милетской школы и отецъ греческой философіи ¹⁾. И несмотря на это разнообразіе и многочисленность его научныхъ открытій, его дѣятельность не ограничивалась научно-теоретической областью, онъ также практическій дѣятель съ обширной сферой интересовъ: онъ—путешественникъ, купецъ (торгуетъ солью), инженеръ, политикъ и государственный дѣятель. Наконецъ, извѣстны его краткія изреченія—практическіе совѣты моральнаго характера.

Однако, не боясь упрека въ гиперкритикъ, можно признать вышеприведенную характеристику дѣятельности Талеса преувеличенной. Необходимо учесть развитіе легендъ, окружавшихъ имена семи мудрецовъ, а также установившейся въ древней доксографіи обычай приписывать ученія, возникшія вообще въ іонійской школѣ, „Талесу и его послѣдователямъ“, т. е. прямо возводить ихъ къ Талесу (объ этомъ см. J. Burnet стр. 41). При скудости достовѣрныхъ свѣдѣній о Талесѣ обоснованная оцѣнка его будетъ гораздо болѣе скромной и его дѣятельность сведется къ перенесенію знаній съ Востока и, *можетъ быть*, къ постановкѣ первой философской проблемы. Съ полной достовѣрностью ему можно приписать только одно философское положеніе: все возникло изъ воды. Всѣ другія сообщенія о немъ, въ томъ числѣ и Аристотелевскія, основаны на догадкахъ.

Милетская философія, въ преддверіи которой стоитъ Талесъ, сдѣлала первый рѣшительный шагъ отъ Міѳа къ Логосу („vom Mythos zum Logos“). Въ чемъ же заключался этотъ шагъ? По мнѣнію однихъ, въ измѣненіи *темы*, по мнѣнію другихъ, въ измѣненіи *метода*. Такъ, по J. Burnet'у величіе Талеса заключалось въ томъ, что онъ первый поставилъ вопросъ: „Изъ чего состоитъ міръ? Какова первичная форма матеріи?“

¹⁾ Auctor et quasi philosophiae Graecae parens (F. Decker. De Thalete Milesio 1865, стр. 6—рекомендуемъ читателямъ эту обстоятельную, отличающуюся трезвымъ сужденіемъ, монографію о Талесѣ).

Дѣйствительный прогрессъ, совершенный въ области мысли милетскими учеными, В. видитъ въ томъ, что они оставили безнадежный трудъ описывать, что было тогда, когда ничего не было, а вмѣсто этого поставили вопросъ, что такое теперь представляютъ собой въ дѣйствительности всѣ вещи. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, прогрессъ—въ перемѣнѣ темы (космогонической на космологическую).

Напротивъ, другіе полагаютъ, что тема осталась старой, измѣнился лишь методъ разработки ея. Быть можетъ, дальше всѣхъ въ этомъ направленіи идетъ кн. С. Трубецкой, по которому *вся философія грековъ* есть лишь раскрытіе ихъ религіознаго міровоззрѣнія. Онъ такимъ образомъ въ сущности отрицаетъ оригинальное содержаніе греческой философіи. По его мнѣнію, даже высшій моментъ въ развитіи греческой философской мысли, философія Платона и Аристотеля, является „лишь наиболѣе отвлеченнымъ, научнымъ выраженіемъ ихъ основныхъ вѣрованій“ („Метафизика въ древней Греціи“, стр. 132). Антиподомъ русскаго князя въ данномъ вопросѣ является извѣстный изслѣдователь греческой религіи Группе, который, напротивъ, полагаетъ, что задачей греческой философіи было освобожденіе идей, принесенныхъ съ Востока, отъ ихъ религіозной оболочки. По мнѣнію и того и другого, философія грековъ отправляется отъ ихъ религіознаго міровоззрѣнія и заимствуетъ оттуда свое содержаніе, но, по мнѣнію Группе, она очищаетъ идеи, заключавшіяся тамъ, отъ религіознаго элемента, а по мнѣнію кн. С. Трубецкого, она проясняетъ эти религіозныя вѣрованія. Другой знатокъ греческой религіи Роде (E. Rohde) совершенно обособляетъ греческую философію отъ религіи. По его ученію, греческая философія есть такое истолкованіе міра, въ которомъ духъ совершенно освобождается отъ миѳическихъ представленій и религіозной точки зрѣнія на міръ. Миѳъ и теологія занимались исторіей міровыхъ событій, въ которыхъ они видѣли рядъ отдѣльныхъ актовъ боговъ, философы же видѣли повсюду только вѣчныя силы и неизмѣнные законы ихъ. Оба потока—религіозный и философскій—текли въ особыхъ руслахъ, рядомъ другъ возлѣ друга, не приходя въ интимную связь между собой, не вступая и въ столкновеніе. И это происходило оттого, что религія и философія, расходясь въ своихъ ученіяхъ, какъ будто говорили на различныя темы: разное высказывалось о разномъ.

Мы отмѣтили мнѣніе, по которому въ греческой философіи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ ея развитія, тема старая, содержаніе не ново. Новое, внесенное философіей, есть методъ. Такъ, Брукеръ и Теннеманъ говорятъ, что Фалесъ первый изъ грековъ сталъ *разсудочно* изслѣдовать *старый вопросъ о происхожденіи міра*. Также Дильсъ, который прямо говоритъ, что содержаніе философіи Фалеса не ново, видитъ заслугу Фалеса въ методѣ, по которому возникновеніе міра и явленія природы объясняются строго физически и сводятся къ единому принципу. Дж. Гротъ и Целлеръ видятъ шагъ впередъ въ замѣнѣ личныхъ причинъ, дѣйствующихъ по произволу, безличными причинами, дѣйствующими закономѣрно. Вундтъ говоритъ о древнѣйшемъ періодѣ греческой философіи, что все

это „космологическая поэзія, отличающаяся отъ міеологическихъ произведеній старѣйшихъ космологовъ и теологовъ лишь тѣмъ, что движеніе міра вытекаетъ уже не изъ воли и судебъ человѣкоподобныхъ боговъ, а сама природа несетъ въ себѣ свои законы.“ Кинкель прогрессъ по сравненію съ міеомъ видитъ въ томъ, что начинаютъ разсматривать міръ, какъ цѣлое, какъ замкнутое въ себѣ единство. Во введеніи одинаго принципа, въ провозглашеніи мысли: „все-едино“ видитъ также Ницше заслугу Өалеса, дѣлающую его первымъ греческимъ философомъ.

Основное положеніе Өалеса: вода есть начало всего. Намъ неизвѣстно въ точности, какой смыслъ заключенъ въ этомъ положеніи. Прежде всего идетъ ли здѣсь рѣчь о возникновеніи во времени или о вѣчной основѣ всего существующаго? Говоритъ ли Өалесъ, что все возникло изъ воды (ученіе, которое въ 16 вѣкѣ повторилъ Парацельсъ), или онъ указываетъ въ водѣ постоянное начало, неизмѣнно лежащее въ основѣ измѣчивыхъ разнообразныхъ формъ природы? Далѣе, эта первая стихія есть ли вода, какъ одно изъ веществъ природы, или подъ водой здѣсь разумѣется всякая жидкость (т. е. первичнымъ признается извѣстное состояніе матеріи) или, наконецъ, вода здѣсь есть объективированное качество: влажность? Такъ расходятся взгляды ученыхъ въ истолкованіи положенія Өалеса: „вода есть начало всего“, въ которомъ такимъ образомъ и субъектъ и предикатъ двусмысленны для насъ.

Признавая началомъ всего вещество, Өалесъ, какъ и всѣ первые греческіе философы до Левкиппа, отнюдь не матеріалистъ, онъ, по признанію большинства историковъ, гилозоистъ или гилопсихистъ (онъ признаетъ оживленность или одушевленность матеріи).

Впрочемъ, по мнѣнію J. Burnet'a, Өалесъ даже не достигъ еще стадіи гилозоистической, его точка зрѣнія анимизмъ, а не гилозоизмъ.

Въ заключеніе коснемся проблемы происхожденія выше приведенной философомы Өалеса. Нѣкоторые ученые искали источникъ происхожденія эллинской философіи внѣ Греціи на Востокѣ. Восточное происхожденіе греческой философіи признавали Röth, Gladisch, Willmann, Mabileau, Teichmüller, Tannery и др. Эд. Целлеръ показалъ несостоятельность этого взгляда и доказалъ автохтонный характеръ греческой философіи. Какъ говорить Группе, теперь не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ возникновеніи греческихъ философовъ изъ восточной мудрости. На самомъ дѣлѣ, было лишь косвенное вліяніе черезъ греческую религію. Съ Востока въ Грецію были перенесены религіозныя идеи, облеченныя въ міеическую форму, онѣ вошли въ греческую религію, и лишь оттуда воспользовалась ими философія.

Другіе видѣли источникъ греческихъ философовъ въ традиціяхъ и примитивныхъ вѣрованіяхъ грековъ (источникъ — „древніе теологи“ по Аристотелю). Въ частности, что касается Өалеса, указывали на вліяніе раннихъ космогоническихъ ученій объ Океанѣ и Өетидѣ (Платонъ Теэтетъ 181 В, Аристотель, Брандисъ).

Займствовано ли положеніе Өалеса съ Востока или у греческой тра-

диціи, и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно не вноситъ въ исторію мысли ничего существенно новаго. Одинъ авторъ 18 вѣка развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ (*Acta philosophorum*, XIV Stück, 1723, стр. 175—178): Что касается общаго міровоззрѣнія, то Фалесъ держался взглядовъ, обычныхъ среди его соотечественниковъ. Положеніе: „вода есть начало міра“ не было впервые высказано Фалесомъ, оно было общимъ мнѣніемъ согражданъ Фалеса, которое они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ. „Это — отнюдь не философское мнѣніе Фалеса, но древняя традиція“. Оно было всеобщимъ мнѣніемъ: такъ, Гомеръ говоритъ во многихъ мѣстахъ, что вода начало всѣхъ вещей; также въ Египтѣ, въ Финикіи, въ Индіи встрѣчается то же ученіе. Фалесъ могъ эту традицію заимствовать у своихъ соотечественниковъ, или взять ее у Гомера, или вывезти съ Востока.

Но, можетъ быть, Фалесъ впервые привелъ научные аргументы въ защиту положенія, которое само по себѣ не представляло ничего новаго? Такіе аргументы, дѣйствительно, приводитъ Аристотель (см. А 12), но, во-первыхъ, самъ Аристотель приписываетъ ихъ Фалесу предположительно („вѣроятно“) и, во-вторыхъ, эти аргументы—физиологическаго характера, между тѣмъ какъ біологическіе вопросы стали занимать греческую мысль значительно позже.

Если, дѣйствительно, Фалесъ установилъ свое положеніе на основаніи эмпирическихъ наблюденій и размышленій надъ фактами, то наиболѣе вѣроятно ходъ его мыслей представленъ у J. Burnet'a: Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ вещей вода принимаетъ наиболѣе разнообразныя формы (твердое, жидкое и газообразное состоянія ея). Фалесъ могъ думать, что онъ видитъ передъ своими глазами міровой процессъ, идущій отъ воды и возвращающійся къ водѣ. Испаренія питаютъ небесный огонь, огонь солнца и свѣтилъ (таково было общепринятое въ то время мнѣніе), вода возвращается обратно въ дождь, чтобы перейти въ землю (послѣдній взглядъ вытекалъ изъ знакомства съ Ниломъ и съ рѣками Малой Азіи, которыя приносятъ необычайно обильныя отложенія); наконецъ, и земля обращается въ воду (идея, вытекающая изъ наблюденій росы, ночныхъ тумановъ и подземныхъ ключей).

Нѣкоторые указываютъ, что въ основѣ ученія Фалеса могли также лежать геогностическія наблюденія (имѣются въ виду морскія раковины въ горахъ).

Указывали также и на то, что городъ и страна, гдѣ жилъ Фалесъ, были приморскими; глаза невольно обращались къ морю, по сравненію съ которымъ земля должна была казаться незначительной. Такимъ образомъ здѣсь указывается не разсудочная, а чувственная причина основоположенія Фалеса.

Въ заключеніе можно еще упомянуть попытку отыскать источникъ ученія Фалеса въ географическихъ представленіяхъ того времени, сдѣланную проф. М. Остроумовымъ, которому принадлежитъ единственная у насъ въ Россіи статья о Фалесѣ („Вѣра и Разумъ“ 1887 г., стр. 529—556).

Итакъ, возможно указать рядъ причинъ, которыя могли привести Θαλεσα къ его основоположенію: вліяніе Востока, древнія греческія теогоніи съ ихъ ученіемъ объ Океанѣ, значеніе воды, какъ стихіи его родины—приморскаго города Милета, наблюденія надъ физическими явленіями, указанныя J. Vignet'омъ, геогностическія наблюденія, географическія представленія того времени, біологическія наблюденія (значеніе влаги для жизни растений и животныхъ), наконецъ, общія соображенія относительно свойствъ жидкихъ тѣлъ (ихъ безконечная подвижность и измѣнчивость) или свойствъ воды (три состоянія ея, образъ пребывающей текучести и т. д.).

По преданію (недостовѣрному), Θαλεςъ оставилъ нѣсколько сочиненій: философское сочиненіе „О началахъ“, по крайней мѣрѣ, въ двухъ книгахъ; „Морскую астрологію“, написанную стихами; два прозаическія сочиненія „О солнцестояніи“ и „О равноденствіи“; одно четверостишіе, рядъ афористическихъ изреченій и два письма (къ Ферекиду и къ Солону). Хотя Сенека, Плутархъ и Галенъ знаютъ сочиненіе Θαλεса „О началахъ“ (Сенека прямо говоритъ, что онъ ученіе Θαλεса черпалъ изъ его философской книги), но мы не можемъ признать эту книгу подлиннымъ сочиненіемъ Θαλεса, такъ какъ изъ словъ Аристотеля о Θαλεсѣ („вѣроятно“ А 12, „какъ говорятъ“ А 14, „какъ помнятъ о немъ“ А 22) ясно, что у него не было сочиненія Θαλεса, а было лишь изложеніе ученія Θαλεса (*ἀπομνημονεύματα* о Θαλεсѣ).

А. Жизнь и ученіе.

1. *Диогенъ Лаэртій* I 22—44. (22) Какъ передаютъ Геродотъ, Дурисъ и Демокритъ, Θαλεςъ былъ сынъ Эксамія и Клеобулины и происходилъ изъ финикійскаго рода Θελιδовъ—самаго знатнаго во всемъ потомствѣ Кадма и Агенора. И, какъ сообщаетъ также Платонъ, онъ принадлежалъ къ числу семи мудрецовъ. Какъ говоритъ Димитрій Фалерскій въ „Спискѣ архонтовъ“, Θαλεςъ былъ названъ первымъ мудрецомъ въ тотъ годъ, когда въ Аѳинахъ былъ архонтомъ Дамасія [582], при которомъ были названы мудрецами извѣстные семь. Принятъ же въ число гражданъ Θαλεςъ былъ въ Милетѣ, куда онъ прибылъ съ Нейлеемъ, изгнаннымъ изъ Финикии. Впрочемъ, по свидѣтельству большинства, онъ былъ природный милетецъ и знатнаго рода.

(23) Кромѣ государственныхъ дѣлъ, онъ занимался изслѣдованіемъ природы. И, согласно нѣкоторымъ, онъ не оставилъ никакого сочиненія. Дѣло въ томъ, что приписываемая ему „Морская астрологія“ принадлежитъ, какъ говорятъ, самосцу Фокѣ. Каллимахъ же знаетъ, что онъ открылъ Малую Медвѣдицу, о чемъ сообщаетъ въ „Ямбахъ“ такъ:

„говорили, что онъ указалъ созвѣздіе Повозки, руководствуясь котормъ плаваютъ финикіяне“.

По словамъ же другихъ, онъ написалъ всего два сочиненія: „О солнцестояніи“ и „О равноденствіи“, признавъ все остальное непостижимымъ.

Нѣкоторые же полагають, что онъ первый наблюдалъ за движеніемъ свѣтилъ и первый предсказалъ солнечныя затменія и солнцестоянія,—такъ говоритъ Эвдемъ въ своей „Исторіи астрономіи“. Вслѣдствіе этого ему удивляются Ксенофанъ и Геродотъ. Подтверждаютъ это своимъ свидѣтельствомъ также Гераклитъ и Демокритъ.

(24) А какъ говорятъ нѣкоторые,—въ томъ числѣ поэтъ Хериль,—онъ же первый сказалъ, что души безсмертны. Также, согласно нѣкоторымъ, онъ первый открылъ годовое движеніе солнца и первый сказалъ, что величина солнца составляетъ одну семьсотъ двадцатую часть круга, проходимаго солнцемъ, и что точно такъ же величина луны относится къ величинѣ круга, проходимаго ею. Онъ же первый сказалъ, что тридцатый день есть послѣдній день мѣсяца. Равнымъ образомъ онъ первый, какъ сообщаютъ нѣкоторые, сталъ разсуждать о природѣ.

Аристотель же и Гиппій говорятъ, что онъ приписывалъ душу и неодушевленнымъ предметамъ, заключая по магниту и янтарию. Памфилъ передаетъ, что, научившись у египтянъ геометріи, онъ первый вписалъ въ кругъ прямоугольный треугольникъ и принесъ въ жертву быка.

(25) Другіе же—въ томъ числѣ хронографъ Аполлоторъ—разсказываютъ это о Пиеагорѣ. (Послѣдній весьма значительно подвинулъ впередъ изслѣдованіе тѣхъ объектовъ, открытіе которыхъ Каллимахъ въ „Ямбахъ“ приписываетъ фригійцу Эвфорбу, какъ, на примѣръ, кривыя линіи, треугольники и все, что относится къ геометрическому умозрѣнію). Кажется, что и въ государственныхъ дѣлахъ Фалесъ давалъ самыя лучшія совѣты. По крайней мѣрѣ, когда Крезъ обратился къ милетцамъ за помощью, онъ воспротивился. Такъ какъ Киръ побѣдилъ, то это спасло городъ. Впрочемъ, самъ онъ, какъ сообщаетъ Гераклідъ Понтійскій, говоритъ, что велъ жизнь одинокую и частную.

(26) Нѣкоторые же говорятъ, что онъ былъ женатъ и имѣлъ сына Кибисеа. По другимъ же, онъ остался холостымъ, усыновилъ же сына сестры. И когда его спросили, почему онъ не производитъ дѣтей, онъ отвѣтилъ: „вслѣдствіе любви къ дѣтямъ“. Также передаютъ, что, когда мать убѣждала его вступить въ бракъ, онъ говорилъ: „еще рано“; затѣмъ, когда состарился, то на настоянія матери отвѣчалъ: „уже поздно“. Иеронимъ же Родосскій сообщаетъ во второй книгѣ „Разныхъ записокъ“, что Фалесъ, желая показать, какъ легко разбогатѣть, заарендовалъ маслобойни, такъ какъ предвидѣлъ будущій урожай маслины, и собралъ весьма много денегъ.

(27) Началомъ же всего онъ призналъ воду и утверждалъ, что міръ одушевленъ и полонъ демоновъ. Говорятъ, что онъ открылъ времена года и раздѣлилъ годъ на 365 дней.

Никто его не училъ; только, будучи въ Египтѣ, онъ имѣлъ общеніе со жрецами. Иеронимъ же говоритъ, что онъ измѣрилъ пирамиды, наблюдая тѣнь ихъ въ тотъ часъ, когда наша тѣнь имѣетъ равную съ нами величину. Какъ сообщаетъ Миній, онъ былъ современникомъ милет-

скаго тирана Фразибула. Извѣстна исторія съ треножникомъ, который былъ найденъ рыбаками и былъ отосланъ милетскимъ народомъ мудрецамъ.

(28) А именно рассказываютъ, что нѣкіе іонійскіе юноши купили у милетскихъ рыбаковъ уловъ. Когда же былъ извлеченъ треножникъ, то возникъ споръ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока милетцы не отправили пословъ въ Дельфы. И богъ далъ такой отвѣтъ:

„Сынъ Милета, ты вопрошаешь Феба относительно треножника? Кто выше всѣхъ мудростью, тому я присуждаю треножникъ“. И такъ, отдають его Фалесу; онъ передаетъ другому, другой третьему, пока очередь не дошла до Солона. Послѣдній же сказалъ, что по мудрости выше всѣхъ богъ, и отослалъ треножникъ въ Дельфы.

Объ этомъ же Каллимахъ въ „Ямбахъ“ сообщаетъ иначе, причемъ его рассказъ заимствованъ у милетца Меандрія. А именно нѣкій аркадянинъ Баэиклей оставилъ послѣ себя кубокъ и приказалъ „отдать его наилучшему изъ мудрецовъ“.

Кубокъ былъ отданъ Фалесу и, обойдя всѣхъ, вновь вернулся къ Фалесу.

(29) Тогда послѣдній отослалъ его Аполлону Дидимейскому со слѣдующими, согласно Каллимаху, словами:

„Фалесъ отдаетъ меня царю Нейлеева народа, получивъ меня дважды въ качествѣ награды за отличіе“.

А не въ стихахъ такъ: „Милетецъ Фалесъ, сынъ Эксамія, Аполлону Дельфійскому приноситъ кубокъ, дважды получивъ его отъ грековъ въ качествѣ награды за отличіе“. Сынъ же Баэикла, обносившій кубокъ, назывался Фиріонтъ, какъ сообщаютъ Элевсисъ въ сочиненіи: „Объ Ахиллесѣ“ и Алексонъ Миндійскій въ девятомъ изъ своихъ „Сказаній“.

Эвдоксъ же Книдскій и Эванъ Милетскій передають, что одинъ изъ друзей Креза получилъ отъ царя золотую чашу съ тѣмъ, чтобы отдать ее мудрѣйшему изъ эллиновъ. Онъ отдалъ ее Фалесу и, обойдя всѣхъ мудрецовъ, она дошла до Хилопа.

(30) Послѣдній вопрошаетъ Аполлона Пиеійскаго, кто мудрѣе его. Тотъ отвѣчаетъ, что мудрѣе его Мизонъ, о которомъ мы скажемъ впоследствии. (Его ставятъ въ спискѣ мудрецовъ вмѣсто Клеобула тѣ, кто слѣдуетъ Эвдоксу, Платонъ же помѣщаетъ его вмѣсто Періандра). Именно о немъ Аполлонъ Пиеійскій сказалъ слѣдующее: „Я говорю, что въ Хенѣ есть нѣкто Мизонъ Этейскій, который мудрѣе тебя“.

Обратился же съ вопросомъ Анахарсисъ. Платоникъ же Даимахъ и Клеархъ говорятъ, что кубокъ Крезъ отослалъ Питтаку и вышеуказаннымъ образомъ онъ обошелъ всѣхъ.

Андронъ же въ „Треножникъ“ говоритъ, что аргивяне назначили треножникъ въ качествѣ награды мудрѣйшему изъ грековъ. Онъ былъ присужденъ спартанцу Аристоклему, который уступилъ его Хилону.

(31) Аристоклема упоминаетъ также Алкей слѣдующимъ образомъ:

„Такъ, говорятъ, нѣкогда Аристоклемъ въ Спартѣ сказалъ весьма мѣткое слово: деньги—человѣкъ, а неимущій ни одинъ не хорошъ.“

Нѣкоторые же передають, что Періандромъ была послана нагруженная лодка милетскому тиранну Эразибулу. Около Косскаго моря она потерпѣла крушеніе, и позже какими-то рыбаками былъ найденъ треножникъ. Фанодикъ же сообщаетъ, что треножникъ былъ найденъ около Аѳинскаго моря и, принесенный въ городъ во время народнаго собранія, былъ посланъ Біанту.

(32) А почему, мы скажемъ въ главѣ, посвященной Біанту. Другіе говорятъ, что треножникъ былъ сдѣланъ Гефестомъ и что богъ подарилъ его Пелопсу въ день свадьбы послѣдняго. Затѣмъ онъ перешелъ къ Менелаю и, будучи вмѣстѣ съ Еленой похищенъ Александромъ, былъ брошенъ въ Касское море по приказанію Лакены, сказавшей, что онъ будетъ объектомъ состязанія. Спустя нѣкоторое время, когда нѣкіе лебедяне купили здѣсь уловъ, то былъ вытащенъ и треножникъ. Споря съ рыбаками, они отправились въ Косъ; и, такъ какъ не пришли ни къ какому рѣшенію, то перенесли дѣло въ Милетъ, который былъ ихъ метрополіей. Милетцы же, не достигши цѣли переговорами черезъ пословъ, начинаютъ войну съ косцами. И когда много падало съ обѣихъ сторонъ, выходитъ отвѣтъ оракула: отдать треножникъ мудрѣйшему. И обѣ стороны сошлись на Фалесѣ.

(33) Послѣдній же, по истеченіи нѣ котораго времени, отдаетъ его Аполлону Дидимейскому. И такъ, косцамъ оракулъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ:

„Не раньше прекратится вражда мероповъ и іонянъ,
Чѣмъ золотой треножникъ, который Гефестъ бросилъ въ море,
Изъ города вы вышлете, и онъ вступитъ въ домъ мужа,
Который знаетъ настоящее, будущее и прошедшее“.

Милетцамъ же:

„Сынъ Милета, ты вопрошаешь Феба о треножникѣ?“ и такъ далѣе, какъ было сказано выше.

Гермиппъ же въ „Жизнеописаніяхъ“ относитъ къ нему то, что нѣкоторые говорятъ о Сократѣ. По его словамъ, Фалесъ говорилъ, что онъ благодаритъ Судьбу за слѣдующія три вещи: во-первыхъ, за то, что онъ родился человекомъ, а не животнымъ; во-вторыхъ, за то, что онъ мужчина, а не женщина; и въ-третьихъ, за то, что онъ эллинъ, а не варваръ.

(34) Рассказываютъ о немъ, что, выйдя изъ дому въ сопровожденіи старухи, чтобы наблюдать звѣзды, онъ упалъ въ яму; и когда онъ заплакалъ, старуха сказала ему: „Не будучи въ состояніи видѣть то, что у тебя подъ ногами, ты, Фалесъ, думаешь познать то, что на небѣ?“ Знаетъ, что онъ занимался астрономіей, и Тимонъ, который хвалитъ его въ „Силлахъ“ говоря:

„Таковъ изъ числа семи мудрецовъ Фалесъ, мудрый астрономъ“.

Лобонъ же Аргивскій говоритъ, что написанное Фалесомъ простирается до 200 стиховъ, и что на изображеніи его было написано слѣдующее:

„Этого Фалеса воспиталъ Милетъ Гопійскій и провозгласилъ его первымъ по мудрости изъ всѣхъ астрономовъ“.

(35) Изъ стихотвореній слѣдующее приписывается ему:

„Многословіе вовсе не есть признакъ мудраго мнѣнія:

Мудро отыскивай что-нибудь одно,

Старательно выбирай что-нибудь одно.

Такъ ты свяжешь безконечныя рѣчи болтливыхъ мужей“.

Также приписываютъ ему слѣдующія изреченія: „Старше всего существующаго богъ, ибо онъ не рожденъ“. „Прекраснѣе всего міръ, ибо онъ есть произведеніе бога“. „Больше всего пространство, ибо оно все содержитъ въ себѣ“. „Быстрѣе всего умъ, ибо онъ объѣзаетъ все“. „Сильнѣе всего необходимость, ибо она имѣетъ власть надъ всѣмъ“. „Мудрѣе всего время, ибо оно открываетъ все“. „Ничѣмъ, говорилъ онъ, смерть не отличается отъ жизни“. „Почему же въ такомъ случаѣ ты не умираешь?“ спросилъ его кто-то. „Потому, отвѣтилъ онъ, что совершенно безразлично (жить или умереть).“

(36) Спросившему его, что явилось раньше, ночь или день, онъ отвѣтилъ: „ночь однимъ днемъ раньше“. Нѣкто спросилъ его, можетъ ли укрыться отъ боговъ человѣкъ, совершающій несправедливость. „Не скроется, отвѣтилъ онъ, отъ боговъ даже намѣреніе“. На вопросъ прелюбодѣя, поклялся ли онъ не прелюбодѣйствовать, Фалесъ сказалъ: „нарушеніе клятвы не хуже прелюбодѣянія“. На вопросъ: „что трудно?“ онъ отвѣтилъ: „познать самого себя“. „А что легко?“ „Дать совѣтъ другому“. „Что самое пріятное?“ „Имѣть удачу“. „Что есть божество?“ „То, что не имѣетъ ни начала, ни конца“. „Что удивительно было бы увидѣть?“ „Старика тиранна“ отвѣтилъ онъ. „Какимъ образомъ легче всего переносить несчастіе?“ „Если испытывающій несчастіе будетъ видѣть, что враги его еще болѣе несчастны“. „Какимъ образомъ намъ прожить наилучше и наисправедливѣе?“ „Если мы сами не будемъ дѣлать того, что порицаемъ въ другихъ“.

(37) „Кто счастливъ?“ „Тотъ, кто здоровъ тѣломъ, одаренъ душевными способностями и чьи природныя дарованія хорошо воспитываются“. Фалесъ велитъ одинаково помнить друзей присутствующихъ и отсутствующихъ. Прекрасно красоваться не наружностью, но своими занятіями. „Не богатѣй дурными средствами, говоритъ онъ, и пусть молва не измѣняетъ твоего отношенія къ тѣмъ, кто тебѣ довѣрился“. „Какія услуги ты оказалъ своимъ родителямъ, говоритъ онъ, точно такихъ же ожидай и самъ отъ своихъ дѣтей“. Онъ сказалъ, что разливъ Нила происходитъ вслѣдствіе того, что теченіе его задерживается противными пассатными вѣтрами.

Аполлодоръ же въ „Хроникѣ“ говоритъ¹⁾ что онъ родился въ первый годъ тридцать пятой [девятой?] олимпіады [640].

¹⁾ Слѣдующее мѣсто у Діогена Лаэртія, заключающее хронологическія данныя (37—38), представляетъ большія трудности. Неизвѣстно, какъ должно подѣлать сообщенія между Сосикратомъ и Аполлодоромъ, а также какъ исправить, безъ сомнѣнія, испорченныя числа. См. Jacoby, *Apollodors Chronik*, стр. 175—6. Мы оставляемъ редакцію Дильса безъ измѣненій.

(38) Умеръ же онъ 78 лѣтъ (или, какъ говоритъ Сосикратъ, 90 лѣтъ). Дѣло въ томъ, что онъ умеръ въ 58 олимпіаду [548—5) и былъ современникомъ Креза, которому онъ обѣщалъ устроить безъ моста переправу черезъ Галисъ, отведя его теченіе [546].

Какъ сообщаетъ Димитрій Магнесъ въ „Омонимахъ“, было еще пять другихъ лицъ, носившихъ имя Фалеса: ораторъ Каллатіанскій, слѣдовавшій дурнымъ образцамъ; живописецъ Сикіонскій, человекъ прекрасныхъ дарованій; третій, жившій раньше ихъ всѣхъ, во времена Гезіода, Гомера и Ликурга; четвертый, о которомъ упоминаетъ Дурисъ въ сочиненіи: „О живописи“; пятый, болѣе молодой и малоизвѣстный, котораго упоминаетъ Діонисій въ „Критикахъ“.

(39) Мудрецъ же Фалесъ скончался въ то время, когда смотрѣлъ гимнастическое состязаніе, отъ жары, жажды и безсилія, будучи уже престарѣлымъ. И на памятникѣ его написано:

„Взирай на эту, дѣйствительно, малую могилу весьма мудраго Фалеса (слава же его достигаетъ небесъ).“

Имѣется и у насъ въ первой изъ „Надписей“, или въ „Написанномъ въ различныхъ размѣрахъ“, слѣдующая надпись, относящаяся къ нему:

„Нѣкогда смотрѣвшаго гимнастическое состязаніе мудреца Фалеса ты, о солнце Зевсъ, похитилъ изъ ристалища. Я восхваляю тебя за то, что ты увелъ его ближе къ небу, ибо, въ самомъ дѣлѣ, старикъ уже не могъ болѣе съ земли видѣть звѣздъ.“

(40) Фалесу принадлежитъ изреченіе: „Познай самого себя“, о которомъ Антисеенъ въ „Діадохахъ“ говоритъ, что оно принадлежитъ Фемону и что его присвоилъ себѣ Хилонъ.

(42) Передаютъ, что Фалесу принадлежатъ слѣдующія письма (къ Ферекиду и къ Солону—подложныя).

2. *Свида* [42—47]. Фалесъ, сынъ Эксамія и Клеобулины, милетецъ, по Геродоту же финикіянинъ, родился раньше Креза въ 35 олимпіаду [640—637], по Флегонту же онъ былъ извѣстенъ уже въ 7 олимпіаду [752—749]. Онъ написалъ въ стихахъ о небесныхъ явленіяхъ, о равенствѣ и многое другое. Умеръ же онъ въ преклонномъ возрастѣ въ то время, когда смотрѣлъ гимнастическое состязаніе, будучи сжать толпою и обезсилѣвъ вслѣдствіе жары.

Онъ первый получилъ прозвище мудреца и первый сказалъ, что душа безсмертна, и первый постигъ умомъ затменія и равенствія. Изреченій его весьма много, въ томъ числѣ общеизвѣстное: „познай самого себя“. Ибо изреченіе: „порука приноситъ вредъ“ принадлежитъ скорѣе Хилону, который приписываетъ себѣ какъ это изреченіе, такъ и изреченіе: „ничего слишкомъ“.

Фалесъ, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы, при Даріи (!) предсказалъ солнечное затменіе.

3. *Схоліи къ „Государству“ 600 А Платона*. Фалесъ, сынъ Эксамія, милетецъ, по Геродоту же финикіянинъ. Онъ первый былъ названъ

мудрецомъ. Ибо онъ открылъ, что затменіе солнца происходитъ вслѣдствіе того, что его заслоняетъ луна, а также онъ первый изъ эллиновъ позналъ Малую Медвѣдицу и солнцестоянія, разсуждалъ и о величинѣ солнца и о природѣ его, и училъ, что и неодушевленные предметы какимъ-то образомъ имѣютъ душу, какъ видно по магниту и янтарю. Началомъ же стихій онъ признавалъ воду. Онъ говорилъ, что міръ одушевленъ и полонъ демоновъ. Учителями его были египетскіе жрецы. Ему принадлежитъ изреченіе: „познай самого себя“. Скончался же онъ одинокимъ старикомъ въ то время, когда смотрѣлъ гимнастическое состязаніе, обезсилѣвъ вслѣдствіе жары.

3а. Каллимахъ „Амбы.“ Фиріонъ, сынъ аркадянина Баэикла, имѣетъ порученіе передать мудрѣйшему кубокъ, оставленный его отцомъ:

„Онъ отплылъ въ Милетъ. Ибо побѣдилъ Фалесъ, который и въ другихъ отношеніяхъ былъ проворенъ умомъ и, какъ говорили, открылъ созвѣздіе Повозки, руководствуясь которымъ, плаваютъ финикіяне. Аркадянинъ засталъ старика при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ въ храмѣ Дидимейца въ то время, когда тотъ чистилъ цикуюю землю и чертилъ геометрическую фигуру, что открылъ фригіецъ Эвфорбъ, который первый изъ людей начертилъ треугольники, даже и неравносторонніе, и также кругъ, и научилъ людей поститься. Но люди не послушались его, правда, не всѣ, но тѣ, которыми владѣлъ иной демонъ. Итакъ, къ Фалесу со слѣдующими словами обратился сынъ Баэикла: „Прими отъ меня эту вещь, которая вся изъ золота. Мой отецъ передъ смертью приказалъ отдать ее тому, кто изъ васъ, семи мудрецовъ, наилучшій, и я даю ее тебѣ, какъ знакъ отличія“. Фалесъ же, потерши палкою землю ¹⁾ и взявшись за бороду ²⁾ другою рукою, сказалъ: „Подарка я не возьму, ты же, если свято чтить слова отца... Біантъ...“

4. Геродотъ I 170. Еще раньше пораженія Іоніи былъ данъ полезный совѣтъ милетцемъ Фалесомъ, по происхожденію финикіяниномъ. Онъ посовѣтовалъ іонянамъ учредить одинъ общій совѣтъ на Теосъ (ибо Теосъ есть середина Іоніи), причемъ прочіе города, продолжая существовать по прежнему, считались бы за деревенскія общины. *Срв. I 146.* Съ ними [съ іонянами, которые основывали колоніи] смѣшались миніи орхоменскіе и кадмеяне.

5. Геродотъ I 74 (Война между Аліаттой и Кіаксарой). Передаютъ, что у нихъ война велась съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ и, когда на шестомъ году войны возникло сраженіе, вдругъ во время битвы день превратился въ ночь [солнечное затменіе 28 мая 585 года]. Эту перемѣну дня іонянамъ предсказалъ Фалесъ Милетскій, заранѣе опредѣливъ тотъ годъ, въ который, дѣйствительно, и случилось это затменіе. ³⁾

¹⁾ Фалесъ стираетъ палкою фигуры, начерченные имъ на землѣ, чтобы уничтожить эти знаки своей *σοφία*.

²⁾ Этотъ жестъ еще и въ настоящее время служить въ Греціи признакомъ смущенія.

³⁾ Такимъ образомъ по Геродоту, Фалесъ предсказалъ *только годъ* затменія.

Климентъ Strom. I 65 р. 354 р. Эвдемъ въ „Исторіи астрономіи“ говоритъ, что Фалесъ предсказалъ солнечное затменіе, случившееся во время сраженія мидянъ и лидійцевъ въ царствованіе Кіаксары. отца Астіага, у мидянъ, и Алиатты, отца Креза, у лидійцевъ... Это было приблизительно въ 50 олімпіаду [580 — 77]; (послѣднее извѣстіе) мы заимствуемъ (у Тагіана 41, гдѣ говорится) о возрастѣ семи мудрецовъ. Ибо самый старшій изъ нихъ—Фалесъ жилъ около 50 олімпіады.

Евсевій Chron. а) *Syns.* Фалесъ Милетскій предсказалъ полное солнечное затменіе. *Arm.* Во второмъ году 49 олімпіады [583]; в) Въ 50 олімпіаду [580 — 77] *Кириллъ с. Jul.* I р. 13 е. с) (*Hieron.*). Во время сраженія Алиатты съ Астіагомъ случилось солнечное затменіе, предсказанное Фалесомъ, въ 1432 г. отъ Авраама [585 г. до Р. Хр.].

Цицеронъ de div. I 49. 112. Говорятъ, что онъ первый предсказалъ солнечное затменіе, которое случилось въ царствованіе Астіага.

Плиній N. H. II 53. У грековъ же раньше всѣхъ открылъ [причину затменія] Фалесъ Милетскій. Въ четвертомъ году 48 олімпіады [585—4 г. до Р. Хр.] онъ предсказалъ солнечное затменіе., которое произошло при царѣ Алиатѣ въ 170 году по основаніи Рима.

6. *Геродотъ I 75 (пер. Э. Мищенко)* Когда Крезъ подошелъ къ рѣкѣ Галису, отсюда, какъ я думаю, онъ перевелъ свое войско по лежавшимъ тамъ мостамъ, а по разсказу, весьма распространенному у еллиновъ, перевелъ войско Фалесъ Милетскій. Дѣло происходило будто бы такъ: когда Крезъ былъ въ затрудненіи, какъ ему перевести войско черезъ рѣку, такъ какъ теперешнихъ мостовъ тогда еще не было, то присутствовавшій въ лагерѣ Фалесъ устроилъ такъ, что рѣка, протекавшая до того времени съ лѣвой стороны войска, потекла теперь съ правой. Сдѣлалъ онъ это слѣдующимъ образомъ: выше лагеря велѣлъ выкопать глубокой ровъ, имѣющій видъ полумѣсяца, чтобы рѣка, отведенная въ этомъ мѣстѣ отъ своего стараго русла въ канаву, обтекла лагерь съ задней стороны и, обошедши стоянку, снова возвращалась бы въ первоначальное русло. Дѣйствительно, когда рѣка такимъ образомъ раздѣлилась, она тотчасъ сдѣлалась переходимою съ обѣихъ сторонъ.

7. *Евсевій Chron.* а) у *Кирилла с. Jul.* I р. 12. Передаютъ, что въ 35 олімпіаду [640—37] родился Фалесъ Милетскій, первый философъ, занимавшійся изученіемъ природы; продлилась же жизнь его, какъ говорятъ, до 58 олімпіады [548—5]; б) *Иеронимъ* Въ первомъ году 35 олімпіады [640] (*Arm.*: во второмъ году 35 олімпіады [639]) Фалесъ Милетскій, сынъ Эксамія, первый философъ, занимавшійся изученіемъ природы, становится извѣстнымъ [*ошибочно вмѣсто* рождается]. Онъ жилъ, говорятъ, до 58 олімпіады.

Абулфараджи р. 33 Рососке: Кириллъ въ своей книгѣ, въ которой онъ отвѣчаетъ Юліану, сообщаетъ... что Фалесъ жилъ на 28 лѣтъ раньше начала царствованія Набонассара. Порфирій же говоритъ, что Фалесъ процвѣталъ 123 [23?] годами позже Набонассара (589—6?)

8. *Избранные рассказы Paris.*: въ 6 годъ царствованія Гискія [около 10 олимпіады—740 г.].. въ это время умеръ въ Тенедосѣ Ѳалесъ Милетскій и открылась Сивилла Эретрійская. *Chron. pasch.* 214, 20 *Векк.*: въ 5 годъ царствованія Гискія (3 годъ 10 олимпіады, 738 г.)... въ этотъ годъ умеръ философъ Ѳалесъ Милетскій въ Тенедосѣ.

9. *Платонъ Theaet.* 174 a: Подобнымъ же образомъ и Ѳалесъ, о Ѳеодоръ, занимался астрономіей и, заглядѣвши въ верхъ, упалъ въ колодезь. Увидѣвъ это, нѣкая остроумная и шутливая еракіянка служанка, какъ говорятъ, сказала, что онъ желаетъ узнать то, что на небѣ, а того не замѣчаетъ, что передъ нимъ и у него подъ ногами.

10. *Аристотель Pol. A 11. 1259 a 6 (пер. С. Жебелева).* Все это послужитъ на пользу тѣмъ, кто относится со вниманіемъ къ искусству наживать состояніе. Къ числу такого рода рассказовъ принадлежитъ, напримѣръ, и рассказъ о Ѳалесѣ Милетскомъ. Этотъ рассказъ заключаетъ въ себѣ своего рода наблюденіе, касающееся искусства наживать состояніе, и его приписываютъ Ѳалесу, принимая во вниманіе его извѣстную мудрость, но на самомъ дѣлѣ наблюденіе это можно разсматривать и съ общей точки зрѣнія. Когда Ѳалеса попрекали его бѣдностью, такъ какъ-де занятія философіей никакого барыша не приносятъ, то, рассказываютъ, Ѳалесъ, предвидя, на основаніи астрономическихъ данныхъ, богатый урожай оливокъ, еще до истеченія зимы, роздалъ накопленную имъ небольшую сумму денегъ въ задатокъ владѣльцамъ всѣхъ маслобоенъ въ Милетѣ и на Хіосѣ; маслобойни Ѳалесъ законтрактовалъ дешево, такъ какъ никто съ нимъ не конкурировалъ. Когда наступило время сбора оливокъ, начался одновременно внезапный спросъ со стороны многихъ лицъ на маслобойни. Ѳалесъ сталъ тогда отдавать на откупъ законтрактованныя имъ маслобойни за ту цѣну, за какую желалъ. Набравъ такимъ путемъ много денегъ, Ѳалесъ доказалъ тѣмъ самымъ, что и философамъ, при желаніи, разбогатѣть не трудно, только не это дѣло составляетъ предметъ ихъ интересовъ.

11. *Проклъ in Eucl.* 65, 3 [*Эвдемъ „Исторія геометріи“*]. Итакъ, подобно тому какъ у финикянъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній возникло точное знаніе чиселъ, точно такъ же у египтянъ по вышеуказанной причинѣ было положено начало геометріи. Ѳалесъ же, побывавъ въ Египтѣ, впервые перенесъ въ Элладу эту науку и самъ многое открылъ, а также многому научилъ своихъ учениковъ, при чемъ однимъ онъ преподавалъ въ болѣе отвлеченной формѣ, другимъ въ болѣе чувственной.

Плутархъ Sol. 2. Говорятъ, что и Ѳалесъ, и математикъ Гиппократъ занимались торговлей, и цѣлью путешествія Платона въ Египетъ была продажа масла. *De Is. et Osir.* 34. Думаютъ, что и Гомеръ, подобно Ѳалесу, научившись у египтянъ, считалъ воду началомъ и источникомъ всего.

Иосифъ с. Ар. I 2. Однако, всѣ единодушно согласны, что тѣ, которые первые у грековъ философствовали о небесныхъ и божественныхъ явленіяхъ, какъ-то Ферекидъ Сирскій, Пифагоръ и Ѳалесъ, были учени-

ками египтянъ и халдеевъ. Они написали немного, и это, кажется, является у грековъ самымъ древнимъ изъ всего написаннаго, причемъ существуетъ сомнѣнiе, ими ли написаны эти сочиненiя.

Азій de plac. I 3, 1 (Dox. 276): Онъ занимался философiей въ Египтѣ и прибылъ въ Милетъ уже старикомъ.

Ямелихъ v. Pyth. 12. [Θалесъ] уговорилъ Пифагора отправиться въ Египетъ и особенно завязать сношенiя со жрецами Мемфиса и Диосполиса. Ибо у нихъ онъ и самъ приобрѣлъ все то, за что получилъ въ народѣ славу мудреца.

11 a. Himer. 30. На Олимпійскихъ играхъ воспѣвалъ славу Гiерона подъ аккомпаниментъ лиры Пиндаръ; Анакреонтъ же воспѣвалъ счастливаго Поликрата, устраивающаго жертвоприношенiе богинѣ самосцевъ; и Алкей въ пѣсняхъ прославлялъ Θалеса, когда и Лесбосъ праздникъ...

Ученiе.

12. Аристотель Metaphys. A 3. 983 b 6. Большинство самыхъ раннихъ философовъ держалось того взгляда, что принципами всего являются исключительно матерiальныя начала. А именно, то, изъ чего все сущее состоитъ, изъ чего оно первоначально возникаетъ и во что оно въ концѣ концовъ разрѣшается, та сущность (субстанцiя), которая, оставаясь сама неизмѣнной, измѣняется въ своихъ свойствахъ (акциденцiяхъ), это, говорятъ они, есть стихiя (элементъ) и начало (принципъ) сущаго. И поэтому они думаютъ, что ничто не возникаетъ и ничто не уничтожается, такъ какъ такая сущность (всего) пребываетъ всегда... (17) Вѣдь необходимо должно быть нѣкоторое естество,—одно или нѣсколько,—изъ котораго возникаютъ прочiя вещи, тогда какъ само оно сохраняется. Относительно того, сколько такихъ началъ и что они собой представляютъ, конечно, мнѣнiя расходятся. Начинатель (первый представитель, основатель) такой философiи Θалесъ считаетъ началомъ воду (вслѣдствiе чего онъ также училъ, что земля находится на водѣ). Вѣроятно, мнѣнiе это онъ составилъ на основанiи наблюденiя, что всѣ существа питаются влажной пищей и что даже самая теплота возникаетъ изъ влаги и ею сохраняется (а начало всего есть то, изъ чего каждая вещь возникаетъ). Кромѣ указанной причины, вѣроятно, привело его къ этому мнѣнiю также наблюденiе того факта, что сѣмена всѣхъ вещей по своей природѣ влажны; вода же есть начало природы влажныхъ вещей. Нѣкоторые же полагаютъ, что того же мнѣнiя о природѣ держались уже тѣ жившiе задолго до нашего времени древнѣйшiе мыслители, которые первые стали размышлять о божественныхъ вещахъ. Дѣло въ томъ, что они представили Океанъ и Теиду виновниками возникновенiя мiра, и воду, которую они, какъ поэты, называютъ Стиксомъ, сдѣлали тѣмъ, чѣмъ клянутся боги.

А вѣдь наиболѣе чтится самое древнее, клянутся же тѣмъ, что наиболѣе чтится.

Тотъ же отрывокъ въ переводѣ кн. С. Трубецкаго. Что касается древнѣйшихъ философовъ, то большинство изъ нихъ признавало матеріальныя начала за единственныя начала всѣхъ вещей. То, изъ чего состоитъ все сущее, изъ чего оно происходитъ впервые, и во что оно конечнымъ образомъ разрѣшается, что пребываетъ какъ неизмѣнная сущность въ измѣненіи своихъ состояній,—это они признаютъ элементарной основой (стихіей), это считаютъ началомъ всего существующаго. И поэтому они полагаютъ, что ничто не происходитъ и ничто не уничтожается, такъ какъ одно и то же естество пребываетъ вѣчно... (17) Но должно быть одно или нѣсколько естествъ, изъ которыхъ происходитъ все остальное. между тѣмъ какъ самое естество (т. е. самая сущность) пребываетъ. Что же касается до количества и вида подобныхъ началъ, то не всѣ говорятъ одно и то же. Фалесъ, основатель такого рода философіи, признаетъ за начало воду (почему онъ утверждалъ и то, что земля держится на водѣ). Вѣроятно, онъ пришелъ къ такому предположенію, видя, что пища всѣхъ существъ влажная, и что самая теплота возникаетъ изъ влаги и ею живетъ (а то, изъ чего все происходитъ, и есть начало всего). Это привело Фалеса къ его предположенію, а также и то обстоятельство, что сперма всѣхъ животныхъ имѣетъ влажную природу; вода же есть начало влажнаго естества. Иные полагаютъ, что и тѣ, которые жили въ глубокой древности, задолго до современнаго поколѣнія и впервые предались богословію,—были того же мнѣнія о природѣ вещей. Ибо они изобразили Океанъ и Теониду праотцами всего происшедшаго и клятвой боговъ почитали воду—такъ называемыя стигійскія воды поэтовъ: то, чѣмъ клянутся, есть самое почитаемое, а наиболѣе почитаемое есть то, что всего старше.

То же въ переводѣ Розанова—Первова. Изъ первыхъ философовъ большинство думало, что только въ видѣ матеріи бывають начала всего. Имено, изъ чего состоятъ всѣ существа, откуда первоначально происходятъ они и во что въ концѣ концовъ погибая превращаются, причемъ сущность хотя остается, но измѣняется въ своихъ проявленіяхъ, это самое они считаютъ началомъ всего сущаго. И поэтому-то они думаютъ, что ничего не рождается и не погибаетъ, такъ какъ такая природа постоянно сохраняется... Ибо должна быть или одна какая-нибудь природа, или больше одной, изъ которой рождается все остальное, причемъ она сохраняется. Однако, на счетъ числа и вида подобнаго начала не всѣ согласны. Фалесъ, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ такого рода философіи, утверждаетъ, что это -- вода (поэтому онъ объяснялъ, что и земля находится на водѣ), извлеки свое мнѣніе изъ наблюденія, что пища всего живого влажна и самое тепло изъ этого происходитъ и этимъ поддерживается (собственно „живетъ“), а изъ чего происходитъ (все), то и есть начало всего; такъ вотъ почему онъ принялъ это мнѣніе, а также и потому, что сѣмена всего имѣютъ влажную природу, а вода есть основа природы влажнаго. А иные полагаютъ, что такого же мнѣнія держались

о природѣ и въ самой глубокой древности люди, жившіе далеко раньше теперешняго поколѣнія и впервые зачавшіе размышлять о божествѣ. Именно они Океана и Теюиду сдѣлали родоначальниками всего происшедшаго и свидѣтелемъ клятвы боговъ представляли воду—это такъ называемый самими поэтами Стиксъ. Почетнѣе же всего то, что древнѣе всего, а то, чѣмъ клянутся, всего почетнѣе.

13. *Симплицій Phys. 23, 21* [„Мнѣнія физиковъ“ *Θεοφραστα. fr. 1. Dox. 475, 1*]. Изъ принимающихъ единое движущееся начало,—ихъ-то собственно и называетъ Аристотель физиками,—иные признаютъ его ограниченнымъ. Такого мнѣнія держались, напримѣръ, милетецъ Θалесъ, сынъ Эксамія, и Гиппонъ, который, кажется, былъ притомъ безбожникомъ. Они учили, что начало есть вода, и пришли къ этому ученію, отправляясь отъ чувственной видимости. А именно, теплота поддерживается влагой, умирающее сохнетъ, сѣмена всѣхъ существъ влажны и всякая пища содержитъ въ себѣ сокъ. А изъ чего каждая вещь состоитъ, то служить также ея естественной пищей. Вода же есть начало влажной природы и всеобщее связующее начало. Вслѣдствіе этого они приняли, что вода есть начало всѣхъ вещей, и объявили, что земля лежитъ на водѣ. 458, 23. Принимавшіе за основу одну какую-либо стихію считали ее безконечной, какъ, напримѣръ, Θалесъ воду. ¹⁾

13 a. *Азій II 17, 1 (D. 315)*. Θалесъ и его послѣдователи: смѣси элементовъ при измѣненіи послѣднихъ образуютъ тѣсныя соединенія.

13 b. *Азій II 1, 2 (D. 327)*. Θалесъ и его послѣдователи: космосъ единъ.

13 c. *Азій II 12, 1 (D. 340)*. Θалесъ и Пифагоръ со своими послѣдователями учатъ, что вся небесная сфера раздѣлена на пять круговъ, которые они называютъ зонами (поясами). Изъ нихъ одинъ называется арктическимъ и постоянно видимымъ ²⁾, второй—лѣтнимъ тропическимъ, третій равноденственнымъ, четвертый—зимнимъ тропическимъ, пятый—антарктическимъ и невидимымъ. А такъ называемый зодиакъ наискось пересѣкается тремя средними кругами, касаясь ихъ трехъ. Меридіанъ же пересѣкаетъ всѣ круги въ прямомъ направленіи отъ сѣвера въ противоположную сторону.

14. *Аристотель de caelo B 13. 294 a 28*. Другіе же полагаютъ, что (земля) лежитъ на водѣ. Ибо мы имѣемъ весьма древнее ученіе, которое, какъ говорятъ, высказалъ Θалесъ Милетскій, что земля пребываетъ вслѣдствіе того, что она плаваетъ, подобно дереву или чему-нибудь другому въ этомъ родѣ (вѣдь изъ всего этого ничто по своей природѣ не покоится на воздухѣ, но на поверхности воды остается неподвижнымъ),

¹⁾ Такимъ образомъ въ свидѣтельствахъ Симплиція о Θалесѣ заключается противорѣчіе.

²⁾ Арктический поясъ есть поясъ постоянно видимыхъ звѣздъ, антарктический—поясъ невидимыхъ звѣздъ, остальные суть пояса восходящихъ и заходящихъ звѣздъ. Эти пояса измѣняются въ зависимости отъ географической широты.

какъ будто бы о водѣ, держащей землю, не приходится сказать то же самое, что и о землѣ.

Симплицій de cael. 522, 14. Онъ приводитъ мнѣніе Фалеса Милетскаго, говорившаго, что земля носится на водѣ, подобно тому какъ дерево или что-нибудь другое изъ того, что по своей природѣ плаваешь на водѣ. Аристотель возражаетъ противъ этого мнѣнія, которое господствовало, вѣроятно, скорѣе вслѣдствіе того, что и у египтянъ такъ говорится въ формѣ мифа, и оттуда, можетъ быть, и Фалесъ принесъ это ученіе.

15. Сенека Nat. Quaest. III 14. Мнѣніе Фалеса нелѣпо. Ибо онъ утверждаетъ, что земля поддерживается водою, плаваешь на подобіе судна и вслѣдствіе подвижности воды носится въ разныя стороны, когда происходитъ, какъ выражаются, землетрясеніе. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ изобиліи имѣется жидкость для изліянія рѣкъ, такъ какъ весь міръ находится въ жидкости.

Азій III 11, 1 (D. 377). Послѣдователи Фалеса: земля лежитъ по срединѣ.

16. Геродотъ II 20 (взгляды грековъ на разливы Нила). По другому объясненію, пассатные вѣтры являются причиной разлива рѣки, такъ какъ они мѣшаютъ Нилу изливаться въ море.

Азій IV 1, 1 (пер. Г. Церетели). Фалесъ полагаетъ, что пассаты, дующа по направленію къ Египту, вздымаютъ воды Нила, такъ какъ вода въ устьяхъ не имѣетъ выхода по причинѣ набѣгающаго моря.

17. Держиллидъ ap. Theon. astr. 198, 14. Эвдемъ въ „Исторіи Астрономіи“ повѣствуетъ, что Энопидъ первый открылъ косое положеніе зодіака и кругъ большого года, Фалесъ же открылъ затменіе солнца и чередованіе солнцестояній, указавъ, что послѣднее всегда бываетъ неравномѣрнымъ.¹⁾

17 a. Азій (пер. Г. Церетели) II 13, 1 (D. 341). Фалесъ: свѣтила землистаго состава, но воспламенены. *20, 9 (D. 349)* Фалесъ (думалъ, что) солнце землистаго состава. *24, 1 (D. 353)* Фалесъ первый сказалъ, что солнце затмевается, когда луна, по природѣ своей землистая, проходитъ черезъ него по прямой линіи; тогда ея отраженіе получается на дискѣ, словно въ зеркалѣ.

17 b.—II 21, 5 (D. 358). Фалесъ первый сказалъ, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

18. Плиній N. H. XVIII 213. По ученію Гезіода (дѣло въ томъ, что существуетъ также Астрологія, носящая его имя), утренній закатъ семизвѣздія Вергилій бываетъ при окончаніи осенняго равноденствія, по Фалесу же—на 25-ый день послѣ равноденствія.

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду неравномѣрное распредѣленіе въ году солнцестояній и равноденствій, то-есть неравенство въ продолжительности четырехъ астрономическихъ временъ года, которыя получаются отъ раздѣленія послѣдняго солнцестоянія и равноденствіями.

19. *Апулей Flor. 18.* Фалесъ Милетскій, безспорно наиболѣе замѣчательный изъ вышеупомянутыхъ семи мудрецовъ (ибо онъ первый основатель геометріи у грековъ, извѣстнѣйшій изслѣдователь природы и весьма опытный наблюдатель звѣздъ), малыми средствами открылъ величайшія вещи: круговое обращеніе временъ, дуновенія вѣтровъ, движенія звѣздъ, чудесные звуки грома, косые пути звѣздъ, годовыя возвращенія солнца, возрастаніе нарождающейся луны, уменьшеніе луны на ущербѣ, и равнымъ образомъ указалъ, что заслоняетъ луну при затменіи ея. Онъ же, будучи уже весьма глубокимъ старикомъ, выдумалъ превосходное разсужденіе о солнцѣ, а именно о томъ, во сколько разъ кругъ, который пробѣгаетъ солнцемъ, больше величины самого солнца. Что касается меня, то я не только изучилъ это разсужденіе, но и провѣрилъ его на опытѣ. Рассказываютъ, что, сдѣлавъ это открытіе, Фалесъ тотчасъ сообщилъ его Мандраиту [Мандролиту] Приененскому. Послѣдній, придя въ восторгъ отъ новаго, неожиданнаго знанія, спросилъ Фалеса, какую награду онъ желалъ бы получить за такое научное открытіе. „Для меня будетъ достаточной наградой, сказалъ мудрый Фалесъ, если того, чему ты отъ меня научился, когда станешь сообщать это другимъ, не припишешь себѣ, по объявишь, что это открытіе принадлежитъ мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо другому“.

20. *Проклъ in Eucl. 157, 10 (изъ Эвдема).* Итакъ, какъ говорятъ, извѣстный Фалесъ первый открылъ, что кругъ дѣлится діаметромъ пополамъ. 250, 20. Итакъ, древнему Фалесу за открытіе этой и многихъ другихъ теоремъ подобаешь благодарность. Ибо, какъ говорятъ, онъ первый позналъ и высказалъ, что во всякомъ равнобедренномъ треугольникѣ углы у основанія равны, причемъ пользуясь болѣе древними выраженіями, онъ равные углы называлъ „одинаковыми“ ¹⁾ 299, 1. Итакъ, эта теорема гласить, что вертикальные углы, образующіеся при пересѣченіи двухъ прямыхъ, равны, открыта же эта теорема была, какъ говоритъ Эвдемъ, впервые Фалесомъ. 352, 14. Эвдемъ же въ „Исторіи геометріи“ возводитъ къ Фалесу эту теорему [равенство треугольниковъ, если у нихъ равны одна сторона и два прилежащихъ къ ней угла], ибо онъ говоритъ, что и теперь необходимо пользоваться тѣмъ же самымъ способомъ опредѣленія разстоянія кораблей въ морѣ, какимъ пользовался Фалесъ.

21. *Плиній N. H. XXXVI 82:* Фалесъ Милетскій нашелъ способъ измѣрять высоту ихъ [т. е. пирамидъ], а именно измѣряя тѣнь въ тотъ часъ, когда она бываетъ равна своему тѣлу.

Плутархъ conv. VII. Поставивъ палку на концѣ тѣни, образуемой пирамидою, такъ что отъ солнечнаго свѣта образовалось два треугольника, онъ показалъ, что отношеніе между величиною пирамиды и палки такое же, какое было между тѣнью пирамиды и тѣнью палки.

¹⁾ Изъ этихъ словъ какъ будто слѣдуетъ, что въ рукахъ Прокла или Эвдема было математическое сочиненіе Фалеса.

22. *Аристотель de anima* А 5. 411 а 7 (пер. В. Снегирева). Нѣкоторые говорятъ, что душа есть составная часть всего, и Өалесъ, можетъ быть, выходя изъ этого воззрѣнiя, думалъ, что вселенная наполнена богами.

Срв. *Платонъ „Законы“* X 899 В (пер. В. Оболенскаго). Что скажемъ мы о всѣхъ свѣтилахъ, о лунѣ, о годахъ, мѣсяцахъ и всѣхъ временахъ, какъ не то же слово, что душа или души—причина всего этого, украшены всѣми доблестями; что мы назовемъ ихъ божествами, въ тѣлахъ ли онѣ живутъ, какъ животныя, и украшаютъ все небо, или какъ бы то ни было. И кто соглашается на сiе, тотъ станетъ ли отрицать, что все исполнено Божества?

Аристотель de anima А 2. 405 а 19. Изъ того, что рассказываютъ въ воспоминанiяхъ о Өалесѣ, кажется, что и онъ также считалъ душу нѣкоторымъ движущимъ началомъ, если только въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ, что магнитъ имѣетъ душу именно потому, что онъ приводитъ въ движенiе желѣзо.

То же въ переводѣ кн. С. Трубецкаго. Повидимому, и Өалесъ, какъ помнятъ о немъ, принималъ душу за движущее начало (за начало движенiя), ибо онъ призналъ душу въ магнитѣ, потому что магнитъ движетъ желѣзо.

То же въ переводѣ В. Снегирева. Кажется, и Өалесъ, какъ свидѣтельствуемъ преданiе, признавалъ душу движущимся началомъ, такъ какъ утверждалъ, что магнитъ имѣетъ душу, потому что имъ приводится въ движенiе желѣзо.

23. ¹⁾ *Аэций I 7, 11 (D. 301).* Өалесъ: богъ есть разумъ міра, вселенная же одушевлена и вмѣстѣ съ тѣмъ полна демоновъ; божественная сила пронизываетъ даже первичную влажность, являясь ея движущимъ началомъ.

Цицеронъ d. deor. n. 10, 15. Ибо Өалесъ Милетскій, который первый изслѣдовалъ такіе вопросы, сказалъ, что вода есть начало вещей, а богъ—тотъ разумъ, который все образовалъ изъ воды.

Изреченiя Өалеса см. выше у Діогена Лаэртiя §§ 35—37 и ниже въ отдѣлѣ 73 а.

Менѣе цѣнную и болѣе позднюю доксографію см. у Г. Церетели, который даетъ большее число свидѣтельствъ Аэцію о Өалесѣ, а также свидѣтельства Ипполита, Эпифанiя, Гермiя, Проба и бл. Августина.

¹⁾ Свидѣтельства, приведенныя подъ этимъ номеромъ, дѣлаютъ Өалеса дуалистомъ, сближая его съ Анаксагоромъ. Ложность ихъ доказалъ уже abbé v. Canaye, трактатъ котораго „О философѣ Өалесѣ“, помѣщенный въ „Mémoires de littérature“ t. X, появился въ 1778 г. въ нѣм. переводѣ („Magazin für die Philosophie und ihre Geschichte“ I Bd.) Өалесъ отнюдь не дуалистъ и не матеріалистъ, но гилозоистъ.

В. Мнимые фрагменты.

Морская астрологія¹⁾.

1. См. *Диогенъ I 23. Свида (A 2). Симплицій phys. 23, 29.* Согласно преданію, Талесъ первый у грековъ сочинилъ изслѣдованіе о природѣ. Хотя, какъ полагаетъ и Теофрастъ, у него былъ рядъ предшественниковъ, однако, онъ, весьма выдѣлившись среди нихъ, какъ бы затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Какъ говорятъ, онъ не оставилъ ни одного письменнаго сочиненія, за исключеніемъ такъ называемой „Морской астрологіи.“

Плутархъ Pyth. or. 18. 402 e. Вначалѣ философы излагали свои положенія и ученія въ стихахъ, какъ - то Орфей, Гезіодъ, Парменидъ, Ксенофанъ, Эмпедоклъ и Талесъ... Астрологію весьма прославили послѣдователи Аристарха, Тимохара, Аристилла и Гиппарха, писавшіе прозою, тогда какъ раньше писали въ стихахъ Эвдоксъ, Гезіодъ и Талесъ,—если только въ самомъ дѣлѣ Талесъ написалъ, какъ кажется, справедливо приписываемую ему „Астрологію.“

2. *Schol. Arat. 172 p. 369, 24.* Талесъ сказалъ, что есть два созвѣздія Гіадъ, одно—сѣверное, другое—южное.

„0 началахъ“ (*по крайней мѣрѣ, двѣ или три книги*²⁾).

3. *Галенъ in Hipp. de hum. 1, 1.* Итакъ, хотя Талесъ сказалъ, что все произошло изъ воды, однако онъ принимаетъ и это положеніе [т. е. что стихіи переходятъ одна въ другую]. Но лучше привести его собственные слова изъ второй книги его сочиненія „О началахъ“, гласящія такъ: „Весьма извѣстны четыре стихіи, изъ которыхъ мы считаемъ первичной воду и, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ мы признаемъ только одну стихію. Упомянутыя четыре стихіи смѣшиваются между собой для соединенія, уплотненія и связыванія земныхъ вещей. А какимъ образомъ, это уже изложено нами въ первой книгѣ.“

„0 солнцестояніи“.

„0 равноденствіи“.

4. *Диогенъ I 23.* Согласно же нѣкоторымъ, онъ написалъ всего два сочиненія: „О солнцестояніи“ и „О равноденствіи“, признавъ все остальное непостижимымъ.

¹⁾ Говорится о древнеіонійской книгѣ моряковъ, заключавшей въ себѣ каталогъ звѣздъ и указанія относительно способа опредѣлять разстоянія кораблей въ морѣ. Ее приписывали и Талесу и Фокѣ Самосскому. Авторство послѣдняго болѣе вѣроятно.

²⁾ Это подложное сочиненіе, какъ можно заключить по стилю, появилось едва ли раньше начала нашей эры.